

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Дацко Н.И. Работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73579 EDN: LHNFYR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73579

Работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг.

Дацко Никита Игоревич

преподаватель; кафедра гуманитарных наук; Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова
аспирант; кафедра истории России XIX века – начала XX века; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1е

✉ datsko.nikita@yandex.ru

[Статья из рубрики "История государственных учреждений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.4.73579

EDN:

LHNFYR

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2025

Дата публикации:

27-04-2025

Аннотация: В статье рассматривается один из аспектов военной политики 1905-1914 гг. – внедрение института генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части в общую структуру высшего военного управления Российской империи того времени. Предметом исследования является объём полномочий генерал-инспекторов в 1905-1909 гг., т.е. в период существования децентрализованного военного управления, когда властных возможностей военного министра в армии был резко сокращён путём выделения из его состава Генерального штаба и создания Совета Государственной обороны – коллегиального, совещательного органа, куда на равных правах входили военный и морской министры, начальник Главного управления Генерального штаба, генерал-инспекторы и другие лица из высших военных кругов. Целью исследования является анализ процесса разработки и принятия в недрах

высшего военного управления "Положения о генерал-инспекторах" – важного документа, призванного определить чёткий статус генерал-инспекторов в военно-управленческой иерархии и разграничить предмет их ведения и полномочия. Методология исследования заключается в работе с архивными, неопубликованными материалами РГВИА (Ф. 830 Совет Государственной обороны России) и основана на сравнительном подходе к источникам. Дополнительным источником выступают опубликованные воспоминания военного министра России в 1905-1909 гг. А.Ф. Редигера. Проведённый анализ делопроизводственной документации и источников личного происхождения показывает, что создание "в верхах" военного управления должностей генерал-инспекторов как автономных военному министру фигур являлось попыткой влиятельной группы Августейшего Дома Романовых, традиционно тесно связанной с русской армией, контролировать процесс шедших после русско-японской войны 1904-1905 гг. военных реформ. Автор предполагает, что эта группа (не исключая самого императора) либо не доверяла до конца дело реформ традиционной бюрократии этот вопрос в столь кризисное время, либо преследовала (великие князья) через институции генерал-инспекторов свои личные интересы в армии. В любом случае данная управленческая реорганизация в итоге запутывала и без того сложное высшее управление русской армии, а сама инкорпорация автономных генерал-инспекторов в армию показывает насколько сложна и инертна была военно-бюрократическая машина того времени.

Ключевые слова:

Генерал-инспектор, Совет Государственной обороны, военное министерство, пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные войска, военное управление, военное ведомство, военная политика

После серии реформ в военном управлении, стартовавших на исходе русско-японской войны в 1905 г. и направленных на децентрализацию этого управления, значимость генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части резко вырастала. Теперь в субординационном отношении это были независимые от военного министра лица, надзирающее за обучением войск, путём их инспектирования. Поэтому специфика обязанностей генерал-инспекторов требовала осуществлять постоянные командировки в войска. Подотчётен каждый из генерал-инспекторов был только императору, и обладание такой должностью позволяло автоматически входить в Совет Государственной обороны Российской империи, созданный в 1905 г. для координации деятельности всех высших инстанций децентрализованного военного ведомства. По сути это были особо доверенные фигуры царя непосредственно в войсках.

Историография темы генерал-инспекторских должностей в русской императорской армии XX века довольно бедная. Специальных работ, которые бы рассматривали и анализировали роль и функции генерал-инспекторов родов войск в структуре высшего военного управления, пока нет. Тем не менее, в обобщающих работах встречаются упоминания и косвенные или прямые обращения к данной тематике. Так, ещё в исследовании В.В. Кузина середины XX века речь шла о важной роли генерал-инспекторов в работе Совета Государственной обороны, об опоре председателя этого Совета, великого князя Николая-Николаевича-младшего, на них с целью влияния на реализацию военной политики России в рассматриваемый период [\[1\]](#). Другие советские военные историки И.И. Ростунов [\[2, с. 37\]](#) и Л.Г. Бескровный [\[3, с. 56\]](#) в своих работах

отмечали, что изъятие инспекторских функций из ведения военного министра, но с оставлением на нём хозяйственных вопросов нарушило эффективность централизованного управления армией. Среди работ современных исследователей следует выделить диссертации И.А. Бодриченко, подробно рассматривающей аппарат управления генерал-инспектора пехоты в начале XX в. [4], Д.В. Пирогова, где автор в контексте анализа реакции военной периодики на ход реформ в русской армии в 1905 – 1914 гг. отмечает беспокойство в военных кругах по поводу разлада между военным министром, генерал-инспекторами и начальником Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) [5, с. 95]. Также за последние десятилетия вышла переведённая на русский язык монография американского историка Б. Меннинга, обобщающая опыт развития строительства вооруженной силы Российской империи за половину столетия: от милютинских реформ до Первой мировой войны [6]. В ней, правда, автор касается темы генерал-инспекторов в армии в начале XX века лишь однажды, когда рассматривает деятельность великого князя Николая Николаевича-младшего на должности инспектора кавалерии [6, с. 216].

Несмотря на важность должности генерал-инспектора, активно возрождавшейся с 1905 года (на момент этого года в армии существовала только должность генерал-инспектора по инженерной части, появившаяся ещё при Николае I), до конца 1907 – начала 1908 гг. не существовало серьёзно проработанного нормативно-правового акта, который бы внятно регламентировал деятельность и полномочия данных должностей в большой и сложной системе военного управления. Ещё в том же 1905 году при работе первого Особого совещания при Совете Государственной обороны декларировалось, что генерал-инспекторам должна быть отведена важная роль в качестве контролёров процесса офицерских аттестаций на местах [7, л. 20 обр.]. Вместе с тем, осуществление подобной функции при отсутствии чёткой регламентации между генерал-инспекторами и остальными звенями военного управления давало свои негативные результаты, влиявшие на ход реформ в армии.

Так, например, в 1907 году военный министр того времени, генерал А.Ф. Редигер, по собственной инициативе, касающейся развития мероприятий по усовершенствованию качества подготовки обер- и штаб-офицерских кадров, принял решение усовершенствовать боевую подготовку офицеров в пехоте и кавалерии. Для этого он захотел преобразовать офицерские школы в штаб-офицерские курсы «...с тем, чтобы в штаб-офицеры могли переводиться только прошедшие эти курсы; технические же сведения по специальностям я (А.Ф. Редигер – Н.Д.) предполагал давать обер-офицерам в особых школах при войсках» [8, с. 148]. Для пехоты предполагалось образовать в военных округах стрелковые курсы штабс-капитанов. Офицеры в этом чине, как правило, обычно претендовали на должности ротных командиров. Помимо более основательного обучения будущих военачальников различным сторонам стрелкового дела эти курсы стремились их всесторонне погрузить в только-только развивавшееся пулемётное дело. В кавалерии А.Ф. Редигер хотел на уровне дивизий организовать курсы верховой езды и кавалерийского дела в целом, куда входило бы оттачивание таких важных для командира-кавалериста техник, как вождение разъезда, организация кавалерийской разведки, ковка и другие. За образец А.Ф. Редигер брал соответствующие школы в Австро-Венгрии – потенциального противника России в ожидаемой большой европейской войне. Для получения сведений о подобном опыте обучения войск он специально воспользовался русской агентурой в Австро-Венгрии и через военного агента графа Снапоки достал сведения об этих школах подготовки [8, с. 148 - 149].

Как же на эту инициативу отреагировали генерал-инспекторы пехоты генерал Н.П. Зарубаев и кавалерии генерал В.М. Остроградский, призванные по своей должности радеть за дело выучки подведомственных им войск? Военный министр встретил их решительный отпор и саботаж. Особенно примечательно в этой ситуации, что причины этого сопротивления заключались в том, что предложенная инициатива министра «проводилась помимо него (Зарубаева – Н.Д.), а Остроградский не знал ничего про школы в Австро-Венгрии (!) и попросту недоумевал, зачем это понадобились мне новые школы?» [\[8, с. 149\]](#).

Отдельно надо отметить, что у А.Ф. Редигера с Н.П. Зарубаевым отношения не складывались после его прихода в высшее военное управление на пост генерал-инспектора пехоты. Хотя, как мы помним, при рассмотрении в СГО положения А.Ф. Редигера о порядке офицерских аттестаций и назначении на должности строевых начальников Н.П. Зарубаев на летнем заседании в 1906 году выступал активным сторонником предложений военного министра по обсуждавшемуся проекту [\[8, с. 67 - 68\]](#). До русско-японской войны этот военачальник был малоизвестным, однако во время неё неплохо себя проявил в должности командира 4-го Сибирского армейского корпуса. Это послужило толчком к его карьерному росту. По рекомендации М.А. Газенкампфа, другом которого являлся Н.П. Зарубаев, генерал попал в помощники великому князю Николаю Николаевичу-младшему, уже с протекции которого и был назначен инспектировать пехоту. А.Ф. Редигер вспоминал, что познакомился с ним на заседаниях Совета Государственной обороны и позже писал, что Н.П. Зарубаев «говорил мало, но далько, и производил впечатление человека скромного, более молчаливого; хотя способности его мне (А.Ф. Редигеру – Н.Д.) казались средними, но у него было славное боевое прошлое» [\[8, с. 67\]](#). Когда же должность генерал-инспектора пехоты в результате болезни О.-Ф.К. Гриппенберга весной 1906 года оказалась вакантной, именно А.Ф. Редигер при настоятельных советах и хлопотах М.А. Газенкампфа предложил на этот пост кандидатуру Н.П. Зарубаева. Дошло до того, что, пользуясь, как министр, возможностью личной аудиенцией у императора, А.Ф. Редигер просил у самого Николая II о его назначении. Однако хлопоты военного министра не способствовали установлению тесных рабочих отношений между ним и новым назначенцем: «отношения Зарубаева ко мне сразу переменились. Считая себя подведомым только председателю Совета обороны, он стал меня систематически игнорировать и, разъезжая по стране, даже не сообщать мне ни о своих поездках, ни о том, что он видел. В отношении командующих войсками он выказал большое самомнение и обидчивость» [\[8, с. 68\]](#).

Такие самоуправства и конфликтные ситуации порождали разные проблемы, мешавшие органичной работе, протекавшей на верхних лестницах военно-административной иерархии. Не случайно, когда летом 1907 года встал вопрос об образовании при СГО комиссии по выработке «Положения о генерал-инспекторах», входившему туда начальнику Главного штаба генералу А.Е. Эверту А.Ф. Редигер, сам не входивший в неё, давал своего рода «министерский наказ», суть которого заключалась в необходимости настаивать на внесении в положение обязательства перед генерал-инспекторами «всегда сообщать военному министру, куда они едут для инспекции» [\[8, с. 190\]](#). Тем самым, А.Е. Эверт являлся в комиссии стороной, представлявшей интересы военного министерства.

В тоже время необходимость в генерал-инспекторах была у самого царя. Она прослеживается в рабочем переписке военного министра с августейшим председателем СГО по деятельности ВАК при СГО ещё от 26 февраля 1907 года, где первым сообщается

Николаю Николаевичу, что «Государю Императору... богоугодно было... соизволить...», чтобы генерал-инспекторы, которые лично ему подотчётны, активно привлекались к работе Высшей аттестационной комиссией при СГО «для сообщения комиссии данных о служебной деятельности высших начальников» по результатам их инспекций и осмотров в войсках [9, л. 17]. Через участие генерал-инспекторов в работе ВАК, находящейся при СГО, в который, как известно, генерал-инспекторы входили на основании «Положения об СГО» [10, лл. 26 - 30], царь мог иметь в комиссии независимых от Николая Николаевича по своему служебному положению лиц (ведь подотчётны они только императору, с правом личного доклада и т.д.). Через этих генерал-инспекторов, таким образом, Николай II стремился получить собственный инструмент контроля над ходом аттестационных мероприятий в обход военного министра и председателя СГО. Всё это делалось из-за стремления императора постоянно оставаться независимым от чьего-либо одного мнения при принятии решений. Для царя это было чрезвычайно важно, поскольку именно за ним оставалась последняя и решающая подпись, утверждавшая решения ВАК, которая увольняла генералов, признанных некомпетентными или вовсе бесполезными в армии.

Данное «Высочайшее соизволение» последовало в результате доклада Главного штаба императору от 22 февраля, предшествовавшему письму, в котором вопрос и поднимался вопрос о положении генерал-инспекторах в процессах аттестаций. В нём говорилось, что «Вашему Императорскому Величеству богоугодно было уже соизволить на пересмотр положений о генерал-инспекторах родов оружия в Совете Государственной обороны, но рассмотрение этого сложного вопроса в общей совокупности потребует ещё продолжительного времени» [9, л. 19]. В это время (начало 1907 года), как известно, вовсю уже заработало «Временное положение об офицерских аттестациях...». В связи с этим, оставлять в данных условиях вопрос правового статуса генерал-инспекторов в неопределенности для военно-бюрократической машины становилось всё сложнее.

Поэтому эта машина уже в конце марта пришла в движение. Рассмотрим её работу над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907 – начале 1908 гг. На протяжении весны 1907 года велась работа над набросками первоначального проекта «Положения о генерал-инспекторах». В марте военному министру последовал доклад №262 Комитета по образованию войск, который жаловался на отсутствие контроля за некоторыми «из старших строевых начальников» в деле «войскового обучения» [11, л. 5]. Также в докладе Комитет полагал, что «генерал-инспекторы должны удостоверяться – какие меры в войсках применяются...» старшими начальниками для устранения недочётов войсковых обучений, выявленных по итогам минувшей японской войны. В докладе подробно расписывалось, на какие недостатки в командовании соединениями при полевых учениях генерал-инспекторам необходимо было обращать внимание и фиксировать их [11, л. 6]. Копию этого доклада с сопроводительным письмом военный министр 7 апреля отправляет председателю Совета Государственной обороны с просьбой в очередной раз вернуться к вопросу о полномочиях и функциях генерал-инспекторов на ближайшем заседании Совета [11, л. 7]. Николай Николаевич ответил на него согласием с замечаниями Комитета по образованию войск, но, вместе с тем, указал, что обсуждение в СГО вопроса об оформлении законодательного порядка круга ведения генерал-инспекторов, их прав и обязанностей пока преждевременна, так как его «Высочайше утверждённых» руководящих указаний генерал-инспекторам при отправке их в командировку в войска вполне достаточно [11, лл. 7 - 8].

Однако на ближайшем заседании Высшей аттестационной комиссии офицерства при

Совете Государственной обороны вопрос о необходимости положения опять был поднят, всё это дошло до императора и Высочайшей волей была проручена разработка текста великому князю Сергею Михайловичу – генерал-инспектору артиллерии. В свою очередь, Совет Государственной обороны образовал комиссию, во главе которой Николай Николаевич-младший поставил послушного ему генерала М.А. Газенкампфа. Эта комиссия при СГО должна была первоначально проработать формулировки «положения», прежде чем его внесут на обсуждение непосредственно в Совет. Она и по своему составу была ниже с точки зрения иерархичности. В комиссии в основном сидели помощники начальников тех ведомств и инстанций, которые заседали в самом Совете Государственной обороны [\[11, лл. 9 - 10\]](#).

Собравшиеся комиссия под руководством М.А. Газенкампфа вела свою работу очень долго, вплоть до 2 ноября, хотя была призвана решить всего лишь технические стороны дела. Между тем, дискуссия разгорелась серьёзная. На заседаниях 16, 24, 28 сентября, 3, 6, 12, 17, 23, 26 октября и 2 ноября комиссия последовательно разбирала статью за статьёй текста редакции великого князя Сергея Михайловича [\[11, лл. 12 - 91\]](#).

Уже на первые заседания комиссии в сентябре показали недовольство заметной части военных чинов существующей децентрализацией военного управления. Проектируемое же положение предполагало по сути своей эту децентрализацию углубить. Всё активнее стали слышаться настроения о необходимости считаться с властью военного министра. Они выразились в предложениях подчинить генерал-инспекторов не императору, в военному министру [\[11, л. 16\]](#). Каждый из сторонников этой мысли в комиссии по-разному аргументировал свою позицию. Генерал Н.И. Иванов указывал, что в настоящее время военному ведомству тяжело держать ответ перед той же Государственной думой в бюджетных вопросах, так как, по сути, в этом ведомстве и так уже есть 4 разных начальника, не подотчётных и неподчинённых друг другу – военный министр, Начальник ГУГШ, Председатель СГО и морской министр. Теперь же их вообще будет 8. Поэтому генерал стал настаивать на том, что если и выделять генерал-инспекторов, то главным над всем военным ведомством следует поставить Председателя СГО и законодательно это закрепить [\[11, л. 16 обр.\]](#). Эта идея ожидаемо не встретила никакой поддержки, ведь тогда ответственность за все, что происходит в военном ведомстве должны были нести не военный и морской министры, а Николай Николаевич. Он же при таком положении должен был напрямую вести диалог с Думой, вплотную работать с народными избранниками, чего не мог себе позволить великий князь ни как член царской семьи, ни как военный, ни как человек, не желавший обременять себя лишним грузом ответственности за военное ведомство, занимая там при этом важный влиятельный пост. В конце концов, предложение шло в разрез с Положением о Совета Государственной обороны, где напрямую была зафиксирована координирующая, а не начальственная роль Председателя Совета. Глава комиссии М.А. Газенкампф практически сразу пресёк эту идею [\[11, л. 17\]](#).

За подчинение военному министру высказывались и генерал А.П. Вернандер [\[11, л. 18\]](#), и А.П. Протопопов [\[11, л. 17 обр.\]](#), и А.П. Скугаревский [\[11, л. 14 обр.\]](#). Генерал А.З. Мышлаевский заявлял, что деятельность генерал-инспекторов должна быть контролирующей, но не начальственной. Другими словами, у генерал-инспектора не должно быть функций командующего [\[11, л. 14 обр.\]](#). Вопрос о признании за генерал-инспекторами командных функций в своих родах войск был отдельной линией обсуждения в комиссии: генерал-инспекторы только наблюдатели или лица, имеющие возможность отдавать распоряжения? После ряда заседаний, на собрании комиссии 3

октября он был решён следующим образом: сторонников подчинения генерал-инспекторов военному министру Газенкампфу и великому князю Сергею Михайловичу удалось склонить к договорённости, что генерал-инспекторы остаются подчинёнными только императору (и только напрямую ему), но за ними признаётся только функция контролёров, а также выводится из их управления и инспектирования хозяйственная часть, остающаяся у военного министра [\[11, лл. 39 - 43\]](#). Однако, это только запутывало области полномочий генерал-инспекторов и министра. Когда встал вопрос о том, как осуществлять управление деятельностью офицерских школ и академий, оказывалось, что по каждому роду оружия у каждого из этих учебных учреждений два высших начальника – генерал-инспектор и военный министр. Большинство комиссии поначалу настаивала на оставлении офицерских кол и академий полностью в заведовании военным министерством [\[11, лл. 18 - 19\]](#). И здесь сработал прецедент первых мероприятий по реорганизации военного управления в 1905 году, к которому стал апеллировать Сергей Михайлович, говоря, что раз Николаевская академия Генерального штаба подотчётна начальнику Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну, не подчиняющегося военному министру, то почему находящиеся в таком же как и он служебном положении генерал-инспекторы не могут претендовать на передачу в их ведение соответствующих офицерских школ и т.п. [\[11, л. 20\]](#)? Его мысль стал развивать А.А. Гулевич, начальник канцелярии СГО и тоже член комиссии, предлагая «компромиссный вариант» подчинение школ начальнику гвардии и Петербургским военному округом, т.е. тому же председателю СГО Николаю Николаевичу-младшему [\[11, л. 40\]](#). Как видно из анализа хода дискуссий в комиссиях и совещаниях подобного рода, определяющая роль в их работе и конечных решениях, принадлежит их руководителю. М.А. Газенкампфу опять удалось протолкнуть идею Сергея Михайловича [\[11, л. 60\]](#), что и показал итоговый результат голосования членов комиссии.

Как известно, особое указание об обязанности уведомлять военного министра о своих командировках с целью инспектирования войск А.Ф. Редигер давал А.Е. Эверту, принимавшему участие в работе комиссии. А.Е. Эверт в целом стремился отстаивать в комиссии ведомственные интересы министерства. Он говорил о важности соблюдения в армии принципа единонаучалия, которое может быть достигнуто только при централизованном военном министерстве [\[11, лл. 14 обр. и 15\]](#), а также о том, что надо хотя бы обязать генерал-инспекторов в начале испрашивать разрешения у министра на свои командировки [\[11, л. 26\]](#). Это предложение вызвало много возражений. Генерал Ф.В. Дубасов усомнился в том, не будет ли это умалять генерал-инспекторов [\[11, л. 26 обр.\]](#), а М.А. Газенкампф указывал ненужность специальной регламентации этих действий, так как это «само собой разумеющееся» [\[11, л. 27\]](#).

Свою работу комиссия завершила ко 2 ноября 1907 года и теперь направляла свои наработки в СГО, где дело затягивалось ещё на два месяца.

В конце 1907 года в Совете Государственной обороны состоялось 4 заседания, где рассматривалось и обсуждалось «Положение о генерал-инспекторах»: 28 ноября, 3, 5 и 17 декабря. Голосование по высказанным принципиальным соображениям показало раскол в Совете, который Николай Николаевич собственными усилиями как председатель стал преодолевать. На голосование членов СГО был вынесен вопрос об автономии генерал-инспекторов и за подчинение их министру. Начальник главного штаба генерал А.Е. Эверт, генерал-инспектор кавалерии В.М. Остроградский, помощник военного министра Поливанов, и генерал Н.И. Иванов высказались «за» такое подчинение,

объясняя это нежеланием усиливать излишнее дробление ведомства [\[12, л. 5 – 6\]](#). Николай Николаевич, а вслед за ним и М.А. Газнекампф, Зарубаев, контр-адмирал Л.А. Брусилов выступали против. Великие князья Петр Николаевич и Сергей Михайлович лишь условно выступали «за», с условием, что им как генерал-инспекторам не будут предоставляться «командные права» [\[12, л. 7 и 7 обр.\]](#). Выходя из положения, великий князь Николай Николаевич предложил рассматривать постепенно статьи положения, чтобы выяснить, какие из них можно принять при условии автономии. Именно при такой форме работы обычно достигались компромиссные варианты по законопроектам в комиссиях и совещаниях.

Первый такой вопрос формулировался следующим образом: «Какую должность в “иерархическо-военном” отношении следует считать выше: командующего в военном округе или генерал-инспектора и кто из них должен иметь старшинство на смотрах в строю?» [\[12, л. 8\]](#) Итоговый результат голосования это показал: 6 членов СГО считали необходимым не возвышать генерал-инспекторов над командующими, 5 – за равенство, 3 – за возвышение генерал-инспекторов [\[12, л. 9 обр.\]](#).

Другой, не менее принципиальный вопрос затрагивал напрямую интересы и зону ответственности военного министра. Он был поставлен председателем СГО на первом же заседании следующим образом: «Является ли необходимым составление генерал-инспекторами на каждый год вперёд общих планов объездов для осмотра войск генерал-инспекторами и необходимо ли предварительное по сему соглашение с военным министром?» [\[12, л. 14\]](#)

Интересно, что в стороне почти от всех прений, проходивших в СГО, держался начальник ГУГШ Ф.Ф. Палицын. Лишь под конец он выразил своё «особое мнение», которое было помещено отдельно в конец журнала заседаний и представлено императору. Во многом его позиция солидаризировалась с взглядами военного министра. Например, Ф.Ф. Палицын отмечал, что генерал-инспекторы с его точки зрения никого не учат, ничего не совершенствуют. Это лишь «почётные доверенные Особы Монарха». Поэтому, рассуждал начальник Главного управления Генерального штаба, им не нужны ни управления, ни чины при них, ни, собственно говоря, положения, «ибо они могут исполнять только положения и указания императора» [\[12, л. 65\]](#). Именно такие замечания Ф.Ф. Палицын делал не случайно. Чрезмерное усиление полномочий генерал-инспекторов в округах могло создавать ситуации, когда предписания таких инспекторов, обладающих реальными командными функциями в войсках, могли идти в разрез с директивами, спускаемых по штабной иерархии вниз его ведомством. Ф.Ф. Палицын этого не мог не сознавать.

Допуская рассмотрение ситуации, когда генерал-инспекторы выступают не как отдельные лица с особыми поручениями при монархе, а как полноценные инстанции военного управления со своими штатами сотрудников, Ф.Ф. Палицын неслучайно настаивал, что при таком варианте они непременно должны быть подчинены военному министру [\[12, л. 65 обр.\]](#).

Добившись в своё время выделения «своего» органа военного управления из-под опеки военного министра, впредь нежелательно было допускать появления новых подобных субъектов, способных претендовать в последующем на отъём управлческих полномочий у самого Генерального штаба. С одним военным министром согласовывать решения легче, чем с несколькими субъектами военной власти.

По итогу рассмотрений каждой из статей получалось, что большинство из них, которые давали те или иные полномочия, пришлось исключить, чтобы не создавать двоевластия. При этом сокращалась роль генерал-инспекторов, так как они в периоды отсутствия инспекций «обрекались на полную бездеятельность» [\[8, с. 192\]](#). Во многом это определило результаты четвёртого заседания, когда закончили рассмотрение всех статей и опять был поставлен принципиальный вопрос: подчинять ли генерал-инспекторов министру или нет? Большая часть Совета единогласно высказались за подчинение; против этого голосовали лишь председатель и три или четыре «послушных ему члена». Для примирения мнений А.Ф. Редигер вновь предложил приравнять их к командующим войсками, и это предложение было принято [\[12, лл. 43 - 45\]](#). Военный министр рассматривал итоги заседаний СГО по вопросу о генерал-инспекторах как часть своей победы, говоря по этому поводу, что «новое дробление власти в военном ведомстве удалось предупредить» [\[8, с. 192\]](#).

31 декабря 1907 года Председатель СГО «Всеподданнейше представил» журнал Совета по вопросу «Положения о генерал-инспекторах», а уже 6 января 1908 года император утвердил мнение большинства [\[12, л. 1 и 1 обр.\]](#).

Таким образом, работая над оттачиванием формулировок статей, которые, при этом, оставались чаще всего нечёткими в определении границ полномочий генерал-инспекторов, комиссия при СГО не устранила принципиальных дискуссионных для высших военных кругов империи проблемы двойственного характера постов генерал-инспекторов. С одной стороны они приравнивались по своему статусу к командующим округами (а не министров), с другой напрямую подчинялись императору (как министр), их волевые решения могли идти полностью в обход военного министра в отличие от инициатив тех же окружных командующих. Они инспектировали учреждения военного образования по своим родам оружия, но не отвечали за хозяйственную их часть. Учреждаемые должности наделялись достаточно большими полномочиями, но при этом с точки зрения формулировок статей не обязывали реально лиц, их занимавших, к той же степени ответственности, какая возлагалась на тех же министров и прочих бюрократов из верхушки служебной лестницы Российской империи.

Всё это никак не могло устроить военного министра, а также ряд других военных управленцев, не желавших сдавать свои позиции великим князьям, продолжавшим усиливать своё присутствие в армии через должности, генерал-инспекторов. Поэтому при завершении работы комиссии дискуссия продолжилась уже на более высоком уровне – в Совете Государственной обороны. Анализ дискуссий на этом уровне показывает, что через это «Положение...», инициатором и разработчиком которого выступил один из членов императорской семьи (великий князь Сергей Михайлович), августейшие особы видели упрочение своих позиций в армии, так как половину должностей генерал-инспекторов занимали великие князья (артиллерии и инженерной части). Ведь подписью самого императора закреплялся, таким образом, их определенный статус, при котором генерал-инспекторы немного немало законодательно возвышались в армейской иерархии примерно на уровне между военным министром (если не на один с ним) и командующими округами. В то же время, результаты ноябрьских и декабрьских заседаний 1907 г. в Совете Государственной обороны показали, что военному министру удалось минимизировать в сравнении с изначальным проектом автономность генерал-инспекторов, последовательно отстаивая свои должностные интересы [\[12, лл. 4 - 8\]](#).

Резюмируя, заметим, что кропотливая работа канцелярий, комиссий, совещаний

военного ведомства как и в прежние времена оставалась основой генезиса армейских реформ в недрах высшего военного управления Российской империи. В то же время менялся порядок, организовывавший работу этих мелких звеньев, а вместе с ним и принципы, по которым должна была работать бюрократия в условиях изменившейся системы. С децентрализации военного министерства в 1905 г. и момента сосредоточения всех важных дел военной политики в Совете Государственной обороны от разных групп высшей военной бюрократии требовалось еще больше гибкости и изворотливости во взаимодействии друг с другом. Анализ работы высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» это хорошо показывает.

Библиография

1. Кузин В.В. Совет государственной обороны в России (1905–1909 гг.). М.: [б. и.], 1950. – 199 с.
2. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. – 387 с.
3. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. – 238 с.
4. Бодриченко И.А. Эволюция стрелкового дела в русской армии: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: [б. и.], 2007. – 236 с.
5. Пирогов Д.В. Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1914 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 23.05.17: утв. 19.06.17. – 282 с.
6. Менninger Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М.: Модест Королев, 2015. – 424 с.
7. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 3.
8. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах / Под общей редакцией И. О. Гаркуши и В. А. Золотарева; подготовка текста, вступительная статья, примечания и указатель имен – Л. Я. Саэт, Н. В. Ильина. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. – 1056 с.
9. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 109.
10. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 3.
11. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 61.
12. РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 131.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Генерал-инспекторы пехоты, кавалерии и инженерной части в русской армии и проблема границ их полномочий в системе высшего военного управления России в начале XX века» посвящен рассмотрению конкретного аспекта военных преобразований в Российской империи после неудачной русско-японской войны 1904–1905 гг., а именно – созданию и (в меньшей степени) функционированию института генерал-инспектора родов войск. Автор указывает на слабую разработанность данной темы в исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной, таким образом данная работа является новаторской попыткой выделения проблемы генерал-инспекторов в русской армии начала XX в. в отдельный предмет исследования. Следует при этом отметить, что собственно в тексте проблема рассматривается несколько уже, чем заявлено в заглавии; временными рамками исследования являются 1907–1908 гг. (так у автора, в тексте ограничено декабрем 1907 г.), в центре внимания автора –

разработка нормативного документа, который бы определял статус и полномочия генерал-инспекторов, т.е. «Положения о генерал-инспекторах». В заключении автор определяет этот сюжет как «работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах», при том что даже и этот сюжет не доведен до конца, то есть до окончательных решений о месте генерал-инспекторов в ГУ ГШ. Автор подробно останавливается на позициях и аргументах участников совещания по разработке «Положения...», указывает на вовлеченность в дискуссию Императора и Великих князей, определяет главную проблему внедрения института генералов-инспекторов как вывод их из подчиненности военному министру и нарушение таким образом целостной системы военного управления. Однако работе не хватает логического завершения даже в рамках сюжета «работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» т.к. автор по сути резюмирует «Свою работу комиссия завершила ко 2 ноября 1907 года и теперь направляла свои наработки в СГО, где дело затягивалось ещё на два месяца». Работе СГО посвящен один абзац, на этом содержательная часть работы заканчивается. Итоговые выводы автора в принципе соответствуют тексту работы: « кропотливая работа канцелярий, комиссий, совещаний военного ведомства ... оставалась основой генезиса армейских реформ в недрах высшего военного управления Российской империи. ... от разных групп высшей военной бюрократии требовалось ещё больше гибкости и изворотливости во взаимодействии друг с другом». При этом повторим, что исходное заглавие текста «Генерал-инспекторы пехоты, кавалерии и инженерной части в русской армии и проблема границ их полномочий в системе высшего военного управления России в начале XX века» подразумевает более широкую трактовку темы исследования, рассмотрение не только разработки (незавершенное) нормативного документа и обозначение проблемы, но и указание на способ и степень решения заявленной проблемы, т.е. анализ результатов деятельности описанной комиссии/ СГО. В данном своем состоянии текст также может быть опубликован, но с уточненным заглавием («работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг.» или «дискуссия о «Положении о генерал-инспекторах» и т.д.) и с доведением временной границы исследования до логического конца. Работа основана на мемуарной литературе и архивных материалах, может представлять значительный интерес.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Всем памятны слова Александра III о том, что единственные союзники России — это ее армия и флот. И действительно, тысячелетняя история нашей страны насыщена героическими и не менее драматическими событиями на полях сражений. Куликово поле, Бородино, Сталинград — эти места стали действительно местом воинской славы, формирующими коллективную память и в наши дни. Однако армия немыслима без управления, в связи с чем каждая военная реформа вносит коррективы и в систему управления.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является работа высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг. Автор ставит своими задачами раскрыть историографию высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг., проанализировать значимость генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части после 1905 г., рассмотреть работу с

«Положением о генерал-инспекторах».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать работу высшего военного начальства над «Положением о генерал-инспекторах» в 1907-1908 гг. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 12 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источником укажем на документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива, а также воспоминания А.Ф. Редигера. Из используемых исследований отметим работы В.В. Кузина, И.А. Бодриченко, Л.Г. Бескровного, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения армии и флота в России в начале XX в. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как русской армией, в целом, так и ее управлением, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «серии реформ в военном управлении, стартовавших на исходе русско-японской войны в 1905 г. и направленных на децентрализацию этого управления, значимость генерал-инспекторов пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерной части резко вырастала». В рецензируемой статье отмечается, что в рассматриваемый период «кропотливая работа канцелярий, комиссий, совещаний военного ведомства как и в прежние времена оставалась основой генезиса армейских реформ в недрах высшего военного управления Российской империи». На различных примерах автор показывает, что «в то же время менялся порядок, организовывавший работу этих мелких звеньев, а вместе с ним и принципы, по которым должна была работать бюрократия в условиях изменившейся системы». Вызывает интерес то, что через «Положение...», инициатором и разработчиком которого выступил один из членов императорской семьи (великий князь Сергей Михайлович), августейшие особы видели упрочение своих позиций в армии, так как половину должностей генерал-инспекторов занимали великие князья (артиллерию и инженерной части)».

Главным выводом статьи является то, что «с децентрализации военного министерства в 1905 г. и момента сосредоточения всех важных дел военной политики в Совете Государственной обороны от разных групп высшей военной бюрократии требовалось еще больше гибкости и изворотливости во взаимодействии друг с другом».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».